

Людмила Кузьмичева

доцент, кандидат исторических наук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kuzmicheva3@yandex.ru

**ЖУРНАЛ «ПЧЕЛА» М.О. МИКЕШИНА О РУССКОМ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В СЕРБИЮ В 1876 г.**

Аннотация: Статья позволяет составить представление о характере русского добровольческого движения в Сербию в 1876 г. и его освещения в одном из самых популярных художественных журналов России. Характер публикаций и подбор иллюстраций во многом зависел от личных вкусов и пристрастий издателя журнала художника, скульптора и публициста М.О. Микешина.

Ключевые слова: журнал «Пчела», М.О. Микешин, сербо-турецкая война 1876 г., русские добровольцы в Сербии, М.Г. Черняев, Н.В. Максимов, русская периодическая печать, славянские комитеты

Переломный момент в судьбах югославянских народов Балканского полуострова – Великий восточный кризис 1875–78 гг. нашел широкое отражение в российской печати. Не было такого печатного издания, будь то центральные газеты или местная провинциальная печать, которые не освещали бы ход восстаний и войн 1875–1878 гг. на Балканах. Некоторые из них имели собственных корреспондентов на полях сражений. Остальные пользовались информацией телеграфных агентств или давали собственные комментарии происходящему. Этот массовый источник, который позволяет представить степень вовлеченности в балканские дела русского общества, а также понять, как формировалось общественное мнение в поддержку борющихся народов, активно используется учеными и ему посвяще-

ны многочисленные труды¹. Не осталось в стороне и изучение освещения российской прессой такого феномена как массовое движение добровольцев, направлявшихся из России для участия в войне, которую в июне 1876 г. Сербское княжество объявило вместе с союзной Черногорией могущественной Османской империи. Некоторые исследователи обращались и к изданиям, помещающим иллюстративный материал о войне. Так, С.А. Кочуков обратился к анализу иллюстраций, помещенных в журнале «Всемирная иллюстрация»².

Довольно долго отечественные исследователи оставляли без внимания участие в этом деле художественного журнала «Пчела», издававшегося в Санкт-Петербурге в 1875–1878 гг. Объяснялось это во многом скептическим отношением к неординарной, яркой и, безусловно, талантливой личности издателя этого журнала, его организатора и души, художника, скульптора, писателя и общественного деятеля Михаила Осиповича Микешина.

Михаил Осипович Микешин родился 9 (21) февраля 1835 г. в деревне Максимовка Смоленской губернии близ г. Рославля в семье обедневшего помещика. Отец его был человеком начитанным, образованным, много повидавшим, принимал участие в войне 1812 г. в партизанском отряде А. Фигнера³. Свое полуголодное детство, первые опыты рисования, школьных товарищей он ярко и с теплотой описал в очерках на страницах журнала «Пчела» – «Как на зорьке, как на зорьке»⁴ и «Шальной панич»⁵. После окончания Рославльского уездного училища Микешин работал чертежником в конторе правительственного агента на строительстве Московско-Варшавского шоссе писателя и помещика Смоленской губернии В.А. Вонлярлярского. Именно он и привез в 1852 г. шестнадцатилетнего художника в Петербург и определил в Академию художеств в класс батальной живописи профессора Б. П. Виллевальде. О необыкновенной одаренности юного художника свидетельствует то, что уже в первый год обучения в академии за картину «Лейб-гусары у водопоая» он полу-

1 Л.В. Ровнякова, *Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX в.)*, Ленинград, 1986.

2 С.А. Кочуков, „Русские добровольцы на Балканах в 1876 году (по материалам визуальных источников)“, *Война и оружие. Новые исследования и материалы*. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года, ч. II, Санкт-Петербург, 2015, с. 386–399.

3 М.О. Микешин, *Воспоминания художника*, Минск, 1969, № 1, с. 142–164.

4 «Пчела», 1878, №№ 2–8.

5 «Пчела», 1878, №№ 18–20.

чил малую серебряную медаль, а сама картина была куплена императором Николаем I.

В 1858 г. Микешин с отличием закончил Академию художеств, получил за картину «Въезд графа Тилли в Магдебургский собор» большую золотую медаль и право на шестилетнее пребывание за счет академии за границей. Но правом этим он не воспользовался, поскольку взялся за работу над своим первым скульптурным произведением – моделью памятника «Тысячелетие России» в Новгороде. Малоизвестный молодой художник неожиданно для всех выиграл конкурс, в котором участвовали 57 скульпторов и художников, большею частью академиков и профессоров.

После этого М. О. Микешин участвовал в создании многих памятников: адмиралу Грейгу в Николаеве, Александру II в Ростове-на-Дону, Кузьме Минину в Нижнем Новгороде, Екатерине II в Петербурге, Богдану Хмельницкому в Киеве, Ермаку в Новочеркасске. Графика и живопись Микешина представлены во многих отечественных музейных собраниях, в том числе и в Русском музее. Диапазон художественного творчества Микешина необыкновенно широк от монументальных памятников до лубочных картин и даже игровых карт на фольклорные сюжеты. Прославился М.О. Микешин и как иллюстратор многих литературных произведений, в том числе и своих собственных. Высокий, яркий, красивый человек он служил моделью и для своих друзей-художников. Его бюст в 1865 г. изваял А. М. Опекушин, а красочный портрет Микешина в полный рост, написанный в 1888 г. И.Е. Репиным, приобрел для своей галереи П.М. Третьяков.

Михаил Осипович Микешин скончался 31 января 1896 г в Санкт-Петербурге. Похоронен он на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Память о Микешине сохранилась на его родной земле, в Смоленске, где к его 150-летию был установлен памятник. Его автор скульптор А.И. Рукавишников изобразил художника с его главным творением – моделью памятника «Тысячелетие России». Торжественно было отмечено в 2020 г. 185-летие художника в Новгороде, где представлена была его ранее неизвестная скульптура «Иуда», и на родине Микешина в Рославльском историко-художественном музее.

Имя художника Микешина хорошо известно историкам искусства, его творчеству посвящены аналитические статьи, а вот его общественная и публицистическая деятельность практически не нашли отражения у исследователей. Сравнительно недавно эту сто-

рону жизни Микешина затронул в своей обстоятельной книге его биограф О.М. Добровольский⁶. К сожалению, книга носит художественно-публицистический характер и не снабжена научным аппаратом. Тем не менее, именно Добровольский отметил как сербский след в творчестве Микешина, так и его работу в журнале «Пчела»⁷.

Михаил Осипович Микешин редактировал журнал «Пчела» в 1875–1878 гг. – как раз в годы Великого восточного кризиса. В этом журнале он помещал и собственные сочинения, и рисунки. Журнал был заявлен как иллюстративный еженедельный журнал искусств, литературы, политики и общественной жизни. Идея издавать общедоступный журнал большого формата с иллюстрациями зародилась у Микешина давно, и в 1875 г. он подал в Главное управление по делам печати прошение об издании журнала «Русские народные листы с картинками», представив очень подробный план и обоснование. Не получив согласия на это издание от министра внутренних дел А.Е. Тимашева, художник принял предложение популярного журналиста А.С. Гиероглифова стать соиздателем журнала «Пчела»⁸. Вскоре Микешин фактически остался главным и единственным издателем и редактором этого журнала, что вызвало, правда, обиду Гиероглифова. Журнал «Пчела» просуществовал чуть больше трех лет, но оставил яркий след в российской журналистике. Финансовые трудности заставили Микешина прекратить издание весной 1878 г. Он тяжело переживал свою неудачу и оставил об этом яркие воспоминания, проиллюстрировав их портретами сотрудников редакции⁹.

Журнал выходил размером ин-фолио еженедельно и составлял 50 номеров в год, за исключением 1878 года, последнего года его существования, когда вышло всего 30 номеров. Ежегодно журнал издавал отдельной книжкой все опубликованные за год номера. Всего вышло четыре таких тома. Как правило, в этих томах сохранялась внутренняя нумерация страниц каждого номера, но в третьем томе была введена общая для всех страниц тома нумерация. Читателям, оформившим годовую подписку, журнал присылал также отдельные литографированные листы, помещенных в журнале иллюстраций. Среди них находились и портреты русских добровольцев в Сербии.

6 О.М. Добровольский, *Микешин*, Москва, 2003.

7 Там же, с. 234–248, 287–327.

8 Там же, с. 295.

9 М.О. Микешин, „Кое-что из моих воспоминаний о сотрудниках журнала «Пчела», *Нечто из артистического мира*, 1895, с. 45–52.

М.О. Микешин не случайно так горячо взялся за публикацию материалов о сербо-турецкой войне. Сербия, ее история и ее народ были ему знакомы не понаслышке. Ему пришлось не только побывать в Сербии, но и провести в сербской столице полтора месяца по приглашению сербского правительства. В 1866 г. Микешин принял участие в конкурсе, объявленном сербским правительством, на сооружение в Белграде монумента в память Первого сербского восстания¹⁰. Присланный художником проект памятника заинтересовал сербского князя Михаила, и он личным посланием пригласил Микешина приехать в сербскую столицу. Посетивший с дипломатической миссией в Санкт-Петербург Йован Ристич подтвердил это приглашение, и Микешин стал собираться в Сербию. Он прибыл в сербскую столицу в конце мая 1868 г. и, остановившись в гостинице «У оленя», узнал, что князь Михаил убит заговорщиками. Дело возведения памятника откладывалось, но сербские власти предложили художнику остаться и поработать над моделью памятника князю Михаилу. Памятников предполагалось даже два – в центре Белграда и в Топчидерском парке, где князь был убит. В Топчидерском парке Микешина поселили в двухэтажном доме и приставили к нему мальчика-слугу и кухарку, которая потчевала его блюдами сербской национальной кухни. Альбом художника заполнился рисунками жителей Белграда. Шесть недель понадобилось Микешину для выполнения заказа. «В одном из них – для Топчидерского парка – предлагалось воздвигнуть памятник из монолита в виде грота с сербским гербом на просторной террасе, где могли бы совершаться панихиды. Наверху грота – полулежащая фигура князя Михаила, отдыхающего и задумчиво глядящего вдаль. Подползшая снизу змея вонзает жало в его грудь у самого сердца»¹¹. Микешин все же был больше художником, а не скульптором и очень любил многофигурные композиции. Это отразилось и в его проекте для памятника князю Михаилу в центре Белграда: стоящему на пьедестале князю подносит ключи от крепости Али Риза-паша, рядом серб в национальном костюме заканчивает высекать надпись «Мысль твоя не погибнет!»¹² Проекты Микешина были одобрены, и он в свою очередь предложил для сбора денег на памятники напечатать отдельными листами его проекты и продавать их. Министр иностранных дел Сербии Димитрие Матич личным письмом 20 сентября

10 О.М. Добровольский, *Микешин*, Москва, 2003, с. 234.

11 Там же, с. 241.

12 Там же, с. 242.

1868 г. поблагодарил Микешина за эту идею и выразил уверенность, что его проекты будут реализованы. Но за четыре года дело не сдвинулось и в 1872 г. был объявлен новый конкурс, к участию в котором Микешин вновь был приглашен сербским правительством. Под псевдонимом отправил он еще один проект, как бы конкурируя сам с собой. Но победа ему не досталась, его проект сочли опоздавшим к назначенному дню¹³. Памятник был сооружен по проекту итальянского скульптора Энрико Пацци.

Первый год издания микешинской «Пчелы» совпал с подъемом национально-освободительной борьбы славянских народов на Балканах. Летом 1875 г. восстание началось в Герцеговине, затем перекинулось на Боснию. Это был отправной момент в развитии Великого восточного кризиса 1875–78 гг. Борьба герцеговинцев и боснийцев вызвала глубокое сочувствие в России. Газеты и журналы помещали многочисленные корреспонденции, в рядах повстанцев сражались русские добровольцы, славянские комитеты занимались сбором денежных средств для помощи восставшим. Журнал «Пчела» также не остался в стороне от этих событий. В нем публиковались репортажи из Герцеговины (№№ 37, 42), зарисовки и стихотворения, посвященные национально-освободительной борьбе на Балканах (№№ 38, 42). В «Пчеле» начинали печататься очерки по истории, географии, обычаям и обрядам южных славян. Это серия очерков дипломата и историка Л.В. Березина «некоторые черты жизни австрийских южных славян» (№№ 20, 39, 50). Однако, в 1875 г. балканские публикации «Пчелы» были все же немногочисленными. Гораздо полнее и достовернее были, например, корреспонденции газеты М.Г. Черняева «Русский мир», у которой был собственный корреспондент на Балканах П.А. Монтеверде – отставной офицер, писавший под псевдонимом Петр Петров. Он находился в отряде воеводы Пеко Павловича непосредственно в зоне боевых действий повстанцев, и его корреспонденции вызывали тревогу российского правительства¹⁴.

К тому времени Балканы и Сербия уже хорошо были знакомы русским читателям по газетным и журнальным публикациям¹⁵. Но

13 Н. Корнеевко, «Творец бессмертного ессмертным. Скульптор М.О.Микешин – создатель памятника *Тысячелетие России*» *Наше Наследие*, № 104 (2012).

14 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. 1, М., 1961. Док. №85 (Докладная записка А.Л. Потапова Александру II о секретном наблюдении за М.Г. Черняевым).

15 С.А. Никитин, «Балканские события в русской периодической печати кануна Восточного кризиса», *Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в.*, Москва, 1970, с. 260–306.

сербо-турецкая война 1876 г. вызвала особый интерес и сочувствие в обществе. Решимость и храбрость народов двух маленьких княжеств – Сербии и Черногории, выступивших против мощной Османской империи, не могли не вызвать восхищения и желания помочь.

С самого начала войны журнал живо откликнулся на публиковались снабженные. На его страницах начинается публикация снабженных иллюстрациями материалы о ходе войны и ее участниках. Журнал призывал читателей жертвовать средства на дело славянской борьбы. Особое место в журнале уделялось добровольческому движению. Фельетонисты журнала – Иван Афанасьевич Кущевский (1847–1876)¹⁶ и начавший печататься после его смерти под псевдонимом «Аз Рцы Слово» Александр Васильевич Арсеньев (1854–1896)¹⁷ – комментировали ход отправки добровольцев в Сербию. Их репортажи позволяют достаточно полно представить картину набора добровольцев в Санкт-Петербургской комиссии славянского благотворительного общества. Авторы фельетонов работой этого общества были не слишком довольны¹⁸. Они приводили факты не только сочувственного отношения российского общества к начавшейся в войне, но и материалы, свидетельствовавшие о попытках использовать это сочувствие в корыстных целях как журналистами, так и предпринимателями. И.А. Кущевский еще в августе 1876 г. абсолютно точно предсказал, как отнесутся к движению добровольцев прославлявшие его газетчики в случае поражения Сербии: «...возьмите-ка турки Черняева в плен, ах, ты увидим тогда, сколько помой выльют на его голову ушаты передовых статей»¹⁹. Возмущение вызывали у фельетонистов попытки эксплуатировать популярность славянского дела ловкими дельцами, выпускавшими, например, «шубки Черняева»²⁰.

В соответствии с основным направлением «Пчелы» как «журнала русской иллюстрации» его фельетоны сопровождались рисунками. Так, например, на рисунке «Комната при Сан-Петербургском Славянском благотворительном комитете, где раздаются пособия»²¹ детально воспроизводится обстановка набора добровольцев для поездки в Сербию, представлены все основные типы русских добро-

16 «Пчела», 1876, №№ 28, 30.

17 «Пчела», 1876, №№ 34, 35, 36, 38, 40, 48.

18 «Пчела», 1876, №№ 28, 35, 40.

19 «Пчела», 1876, № 30, с. 9.

20 «Пчела», 1876, №№ 38, 48.

21 «Пчела», 1876, № 40, с. 1.

вольцев – офицеры, вышедшие в отставку, старые солдаты, мещане, купцы, студенты.

Журнал помещал на своих страницах серию иллюстраций о сербо-турецкой войне, которые либо входили в рубрику «В стране славянской борьбы за освобождение», либо отдельно. Так, 1 августа 1876 (№ 29) помещены сразу девять иллюстраций под общим названием «Сербо-турецкая война». На всем протяжении войны с июня по октябрь 1876 г. журнал публиковал иллюстрации, отражающие важнейшие ее события. Читатель мог представить себе их по следующим зарисовкам: «Сербские регулярные войска и волонтеры», «Турецкие регулярные войска» (№ 32), «Отряд русских и черногорских волонтеров, отражающих атаку турецкой кавалерии под Мр-солом 22 августа» (№ 36), «В сербском лазарете» (№ 40), «Сербские пленные, сжигаемые на медленном огне». Иллюстрации не только отражали ход этой нелегкой войны, они пробуждали сочувствие в широких массах русского народа и способствовали росту добровольческого движения.

Русскому добровольческому движению в целом и его отдельным представителям уделялось на страницах журнала большое внимание. 19 сентября 1876 г. была открыта «Галерея портретов русских добровольцев, отправившихся в Сербию»²². Редакция журнала сообщала, что, начав по многочисленным просьбам читателей «галерею отважных русских людей, которые с оружием в руках решились отстаивать великую идею славянской свободы и единства»²³, она воспользовалась материалами, предоставленными ей Санкт-Петербургским отделом Славянского благотворительного комитета и обращалась ко всем остальным отделам славянских комитетов, а также к самим добровольцам, их родственникам и друзьям с просьбой присылать в редакцию портреты добровольцев. В этой галерее журнал поместил портреты 78 добровольцев²⁴. В большинстве своем это были портреты офицеров, а изображений простых солдат практически не встречается. Исключением является рисунок «Знаменщик Т.Ф. Щербина со знаменем, пожалованным от московского ку-

22 «Пчела», 1876, № 36, с. 13.

23 Там же, с. 16.

24 «Пчела», 1876, № 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, (как правило, на 16-ой странице номера).

печества в Сербию»²⁵. В комментарии к рисунку сообщалось, что Т.Ф. Щербина происходит из крестьян, прослужил в армии 23 года, участвовал в Кавказской войне и отправился в Сербию добровольцем.

Добровольцам, отличившимся в ходе войны, были посвящены в журнале отдельные статьи, представляющие особый интерес, так как в них не только подробно излагаются их биографии и ратные подвиги, но и содержатся сведения о том, как они попали в Сербию, и что заставило их оставить мирную жизнь на родине.

Первым добровольцем, которому журнал посвятил такую статью, приехавший одним из первых в Сербию отставной штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, активный общественный деятель, славянофил и член Санкт-Петербургского славянского комитета Николай Алексеевич Киреев, погибший в сражении под Извором. В статье рассказывается о мужестве Н.А. Киреева, об обстоятельствах его гибели, причиной которых безапелляционно называется трусость сербских солдат, оставивших своего командира во время штурма крепости²⁶.

Журнал помещал на своих страницах сведения о русских военачальниках в сербской армии. Очерк о командующем Тимокско-моравской армии генерале Михаиле Григорьевиче Черняеве (1828–1898)²⁷ в отличие от иных русских периодических изданий²⁸ был вполне благожелательным. Здесь сказывалась и личная симпатия издателя журнала к генералу. Спустя почти десять лет Микешин выразил уважение к Черняеву: разрабатывая в 1884 г. проект памятника Александру II для Ростова-на-Дону, он поместил бюст М.Г. Черняева среди сподвижников царя-освободителя, которые должны были на балюстраде окружать памятник. В письме к своему другу драматургу А.Н. Островскому Микешин писал: «Полагаю, что ты можешь оспаривать Черняева, но за него говорит огромная его популярность в народе и его героические подвиги, как в Туркестане (взятие Ташкента), так и инициатива в славянском восстании»²⁹. Черняев в свою очередь высоко ценил Микешина. М.Г. Черняев в 1882

25 «Пчела», 1876, № 49, с. 15–16.

26 «Пчела», 1876, № 30, с. 15.

27 «Пчела», 1876, № 33, с. 10–11.

28 Такими были, например, публикации о Черняеве в журнале демократического направления «Дело» См. № 3, с. 182 и № 7, с. 95.

29 О.М. Добровольский, *Микешин*, Москва, 2003, с. 367.

г. был назначен генерал-губернатором Ташкента и решил увековечить событие, в котором сам принимал непосредственное участие, заслужив прозвище «Ташкентский лев». Проект памятника «Воинам, павшим при штурме Ташкента, 15 июня 1865 года» генерал заказал М.О. Микешину. Работу этой художник выполнил в срок, но Черняева, не справившегося со сложными обязанностями губернатора, от должности отстранили, и проект не был осуществлен. Лишь гипсовую копию макета, выкрашенную масляной краской, поставили в городском саду³⁰. Правда, в 1887 г. художник все же побывал в Ташкенте, его пригласили для установки иконостаса, сделанного по его эскизам, в Спасо-Преображенском соборе³¹.

В № 41 журнала за 1876 г. был помещен портрет и биография начальника штаба Черняева генерала Дмитрия Петровича Дохтурова (1838–1905), а в № 42 портрет и сведения о командующем Ибарской сербской армией Семене Корниловиче Новоселове (1812–1877). В статье о Новоселове отмечались его заслуги в подавлении польского восстания 1863–1864 гг.³² Таким образом, редакция по-разному воспринимала дело борьбы за независимость южных славян и дело сражений за свободу польского народа. Первых нужно было поддерживать, а выступления вторых жестоко подавлять. Эта же позиция отражена и в некрологе «В память добровольца Станислава Баранцевича»³³. Рассказывая о мужестве Баранцевича, молодого блестящего офицера, который подал в отставку 15 августа 1876 г. чтобы отправиться в Сербию, о его героизме, о той популярности, которой он пользовался на войне среди русских и сербов, журнал особо подчеркивал, что он «поляк и католик» и является приятным исключением среди поляков – «слепорожденных ублюдков славянства»³⁴.

Помещая материалы о сербо-турецкой войне, журнал рассказывал не только о русских добровольцах, но и публиковал портреты сербских военачальников, очерки об их ратных делах. Читателей зна-

30 Там же, с. 351–352.

31 А.В. Воропаева, «Письма, адресованные Н. И. Гродекову, в коллекции «автографы» Дальневосточной государственной научной библиотеки», *Книжные свидетели былых времен (редкие и ценные издания в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки)*, Хабаровск, 2017, с. 710–712.

32 «Пчела», 1876, № 42, с.15.

33 «Пчела», 1877, № 17, с. 264 (по третьему тому).

34 Там же.

комили с архимандритом Дучичем – «предводителем сербских добровольцев», сражавшихся под Сеницей³⁵, с генералом Ранко Алимпичем – «предводителем сербских войск, действующих под Белиной в Боснии»³⁶. В очерке о полковнике Георгии Влайковиче – командующем корпусом «охотников» в составе армии генерала Алимпича – говорилось, что этот «популярнейший среди сербских предводителей человек» состоял на русской военной службе во время осады Севастополя в 1854 г., где и потерял в бою ногу³⁷.

В № 35 от 12 сентября 1876 г. была помещена статья «Сербские военные силы», дающая представление о структуре сербской армии, ее численности. Приводились названия и дислокация шести сербских дивизий, указывалось местоположение входящих в дивизии бригад, давались имена и характеристики всем сербским военачальникам, указывалась система ружей, которыми располагала сербская армия.

Пока длилась первая сербо-турецкая война, журнал публиковал материалы, свидетельствующие о мужестве и героизме ее участников. Такая позиция «Пчелы» соответствовала общему подъему в защиту дела освобождения южных славян. Но с переменой ситуации на театре войны изменилась и позиция русской прессы по отношению к ее участникам, в том числе и к русским добровольцам. Обвиняли Черняева, называя его авантюристом, обвиняли штабных офицеров из числа русских добровольцев в пьянстве и разгуле, обвиняли сербов в трусости. Журнал «Пчела» с горечью констатировал: «Стали швырять грязью в мертвых и живых мучеников за распятое на кресте славянство»³⁸. Журнал демократического направления «Дело», например, писал: «Никакого возрождения тут не было, а было несколько минут искреннего увлечения и несколько месяцев крайней бестолковщины, от которой пострадали одинаково и сербы, и лучшие между русскими. [...] Черняев совершенно не понял ни характера своей роли, ни духа и традиций того войска, которым ему пришлось командовать. [...] Это было какое-то “сложное самоубийство”, люди лезли на штыки не для того, чтобы «освободить кого бы то

35 «Пчела», 1876, № 30, с. 16.

36 «Пчела», 1876, № 31, с. 16

37 «Пчела», 1876, № 32, с.15.

38 «Пчела», 1877, № 1, с. 2.

ни было (для этого нужно прежде всего самому знать цену свободе), а просто для того, чтобы освободиться от себя самих от своей собственной пустоты и ничтожества»³⁹. Анализируя непростой характер взаимоотношения штаба Черняева с сербскими офицерами и солдатами, журнал «Дело» писал: «Черняев забыл или не хотел знать, что имеет дело с конституционным государством, где центр тяжести лежит в народе, [...] он окружил себя штабом из русских офицеров, третировавших свысока все сербское и обходившихся как с холопами с людьми, не знавшими прежде розог или грубого обхождения. Очень понятно, что сербы стали не доверять бескорыстию русских, охладели к делу, которое сами же затеяли и стали бегать с поля сражения. В предыдущие войны за независимость никто не думал обвинять сербов в трусости»⁴⁰.

«Пчела» оставалась одним из немногих журналов, которые по-прежнему защищали добровольческое движение. Одной из главных своих задач редакция считала противостоять попыткам очернить подвиг русских добровольцев теми изданиями, которые «со злорадством собирали факты и фактишки, сплетни и утки корреспондентов, ловко подтасовывали все, что могло бы опозлить и извратить высокий смысл самопожертвования»⁴¹. В декабрьском номере 1876 г. журнал опубликовал статью «В штабе и на позиции»⁴², в которой решительно осуждалась попытка противопоставить штабных и позиционных офицеров среди русских добровольцев. Статья стала ответом на «Письмо г. Токмачева», опубликованное в № 266 «Нового Времени».

Журнал «Пчела» пытался защитить доброе имя русских добровольцев, но общая волна сомнения в полезности этого движения коснулась и его страниц. Уже в декабре 1876 г. в статье «Славянские мученики»⁴³, посвященной памяти добровольца Владимира Фермора, присутствует недовольство плохой организацией добровольческого движения и медицинской помощи во время войны. В некрологе памяти К.В. Сикорского – командира роты отряда полковника

39 «Дело», 1877, № 3, с. 182–184.

40 «Дело», 1877, №7, с. 195.

41 «Пчела», 1877, № 17, с. 163.

42 «Пчела», 1876, № 50, с. 6–9.

43 «Пчела», 1876, № 49, с. 9.

Медведовского, помещенном в пятом номере за 1877 г., содержался призыв не оставить семью покойного без средств к существованию, а также помочь всем раненым добровольцам, вернувшимся в Россию. Новое настроение по отношению к добровольческому движению отличает статью о добровольце А. Гольдштейне, убитом при защите Алексинацких позиций⁴⁴. Автор статьи Николай Васильевич Максимов сам был добровольцем и мог правдиво рассказать о событиях прошедшей войны. Максимов решил дать читателям «Пчелы» полную характеристику добровольческого движения, оценку основным группам русских добровольцев и ответить на следующие вопросы: «Кто эти добровольцы? Что это за люди? Какого они склада? Каких нравственных качеств?»⁴⁵. Он сумел полно, объективно и честно ответить на эти вопросы, волновавшие русское общество: «Можно сказать, что в Сербии сосредоточились русские люди различного склада. Были тут и пьяные бездомники [...] Были в Сербии и жаждущие военной славы, ордена Такова, медали, увлекшиеся лишним числом, более возвышенным положением в армии. Были в Сербии и авантюристы, которые струсив на первых порах, уходили из своих батальонов, впрочем, таких было мало. Были в Сербии очень честные молодые люди, которые можно сказать бессознательно явились в Сербию из жажды сильных ощущений. [...] Они вставали во фронт и умирали, умирали только потому, что всегда и при всех обстоятельствах жизни привыкли честно исполнять свои обязанности [...] Были в Сербии и люди, вставшие под ружье просто из чувства сострадания к ближнему: таких людей было большинство. Такие люди вышли из народной среды русского общества и эти люди были самые честные, самые непорочные, самые исполнительные, самые молчаливые, самые храбрые и добросовестные»⁴⁶. Рассказывая о смерти Гольдштейна, Максимов с горечью констатировал, что «он назвал свою смерть “глупой смертью” и заявил, что он ошибся в принципе в той идее, которая влекла его в Сербию». Максимов считал, что Гольдштейн относился к особой группе добровольцев: «Такие люди, явившись в Сербию сознательно, из-за идеи ошиблись в принципе. Они умирали ужасною смертью! Они умирали с ясным сознанием того, что они ошиблись,

44 «Пчела», 1876, №7, с. 107.

45 «Пчела», 1877, № 7, с. 107.

46 «Пчела», 1877, № 7, с. 109.

что они умирают совершенно бесполезно для себя, для сербов, для всего славянского вопроса, для всего человечества»⁴⁷.

Таким же настроением проникнуты и рисунки этого номера. На рисунке В.Д. Поленова «Возвращение последних русских добровольцев из Сербии»⁴⁸ изображены измученные, оборванные люди, унылые и усталые, расположившиеся на палубе парохода на мешках и сундучках, многие перебинтованы, на костылях.

С тем, чтобы дать наиболее верное представление о сербо-турецкой войне, о причинах поражения Сербии, об участии русских добровольцев в этой войне, журнал опубликовал в 1877 г. целую серию воспоминаний русских добровольцев. Эти воспоминания, написанные сразу после окончания войны, порой даже дневники, которые велись в ходе войны, давали читателю реальное представление о прошедшей войне и ее участниках.

Одним из первых был опубликован дневник замечательного русского художника, русского добровольца в Сербии Василия Дмитриевича Поленова (1844–1927). В качестве художника-иллюстратора он сотрудничал с журналом «Пчела»⁴⁹. Его дневник «От Киева до Делиграда»⁵⁰ посвящен событиям со времени прибытия автора в Белград 24 сентября 1876 г. до его назначения на позиции «известного храбреца Андреева», взорвавшего турецкий мост на Мораве. Дневник содержит характеристику штабу Черняева, сведения об организации лазаретов, имена многих русских добровольцев. Поленов эмоционально охарактеризовал свои впечатления от встречи с Черняевым: «Я вышел от него совершенно им обвороженный, мне припомнился Кутузов в “Войне и мире”»⁵¹. Многочисленные зарисовки В.Д. Поленова⁵² позволяли читателям «Пчелы» представить театр боевых действий и его участников.

Тема конфликтов между русскими и сербскими офицерами прозвучала в очерке Н.В. Максимова «Из альбома добровольца в Сер-

47 Там же, с.110.

48 Там же, с. 112.

49 В.Д. Поленов, *Письма, дневники, воспоминания*, Москва; Ленинград, 1950, с. 116–118.

50 «Пчела», 1877, № 9, 10, 23.

51 «Пчела», 1877, № 23, с. 352.

52 «Пчела», 1877, № 1, 3, 7, 23, 44, 46, 47, 49, 50.

бии»⁵³. Характеризуя сербского полковника Д. Хорватовича как талантливое и храброго офицера, он подчеркнул его расположение к русским офицерам, столкновения же между русскими и сербскими офицерами объяснил «уязвленным самолюбием сербских офицеров, которые в большей части случаев подчинялись русским»⁵⁴. Н.В. Максимов (1843–1890) принял участие и в Русско-турецкой войне 1877–78 гг. и написал об этих двух войнах воспоминания «Две войны» (СПб., 1879). Его книга стала одной из наиболее честных и достоверных о сербо-турецкой войне. Книга эта легла в основу художественного произведения известного советского писателя Б.Л. Васильева «Были и небыли» (М., 1980).

О тяжелых днях разгрома армии Черняева под Джунисом (17–18 октября 1876 г.) и гибели русских добровольцев рассказывается в «Очерках из воспоминаний русского волонтера в сербских войсках»⁵⁵ Н. Витте.

Различные типы русских добровольцев нашли отражение в очерке «День в Делиграде»⁵⁶. Очерк не подписан, а в примечании сказано, что все фамилии вымышлены. Об отсутствии дисциплины, о трусости бригадного командира, о бессмысленной атаке, затеянной для того, чтобы «расшевелить осторожного командующего», о гибели десятков людей рассказывает в очерке «Иллюминация»⁵⁷ доброволец П. Петровский.

Помещая все эти разноплановые воспоминания, журнал оставался на позиции защиты честного имени русских добровольцев: «Если часть наших добровольцев и не устояла на высоте своего призвания, если меж ними и попадались личности, не сохранившие чистоты своих отношений к делу, “семья не без урода”, то от этого сама идея, увлекшая их, нисколько не меньше»⁵⁸.

Вопросам отбора, отправки и снабжения добровольцев посвящена статья «Как мы помогаем славянам»⁵⁹. Она является как бы заключением всей публикации журнала «Пчела» о сербо-турецкой

53 «Пчела», 1877, № 11, с. 169–171.

54 Там же, с. 170.

55 «Пчела», 1877, № 12, с. 186–187, 190.

56 «Пчела», 1877, № 14, с. 214–215, № 15, с. 227–230.

57 «Пчела», 1877, № 17, с. 259, 262–253.

58 Там же, с. 264.

59 «Пчела», 1877, № 29, с. 448–450.

войне и о русском добровольческом движении. Статья, подписанная «В.В.», по существу была анализом брошюры Л.К. Мартьянова «Свод замечаний, предоставленных в ревизионную комиссию Санкт-Петербургского благотворительного общества, членом означенной комиссии Л.К. Мартьяновым, по обревизованию им дел бывшей Комиссии для сбора пожертвований». В предисловии к этой статье М.О. Микешин написал, что охотно дал ей место, так как сам был членом Славянского комитета и участвовал в двух заседаниях Комиссии для сбора пожертвований и «с отчетом г. Мартьянова вполне согласен и как член бывшего Славянского комитета, и как русский гражданин, глубоко преданный славянской идее»⁶⁰. Содержательный отчет Мартьянова свидетельствовал о многочисленных неразумных тратах Комиссии, о ряде бестактных действий, к числу которых относилась посылка 100 000 рублей на имя князя Милана 1 октября 1876 г., от которых он отказался, так как деньги просило не сербское правительство, а генерал Черняев.

Особое внимание в отчете уделено деятельности Комиссии по отправке русских добровольцев в Сербию. Сообщается, что «дело здесь обстоит еще печальнее», так как комиссия «не догадалась спросить сербское правительство, в чем наиболее оно нуждается, и действовала без всякого определенного плана, так сказать зря»⁶¹. Комиссия постановила выдавать офицерам по 175 рублей, а нижним чинам по 125 рублей каждому, но впоследствии эта норма изменилась следующим образом – офицерам по 200 рублей, а нижним чинам по 100 рублей. «Спрашивается: какие мотивы руководили Комиссией офицерам увеличить, а нижним чинам уменьшить премию?», – возмущался автор статьи. В отчете сообщалось, что поводом к недоброй молве о русских добровольцах явился невнимательный отбор добровольцев комиссией, что привело к тому, что генерал «Дандевиль просил письмом из Белграда прислать к нему 10 офицеров для учреждения в Белграде военной полиции»⁶². Комиссия, обсудив это письмо нашла его «заслуживающим уважения». В связи с чем автор статьи справедливо отметил: «Постановление Комиссии об учреждении в столице чужой страны русской военной полиции нельзя

60 «Пчела», 1877, № 29, с. 448

61 «Пчела», 1877, № 29, с. 449.

62 Там же, с. 450.

назвать иначе, как в высшей степени опрометчивым и бестактным». Отмечалось также и несогласованность действий комиссии. Так, 9 сентября 1876 г. в ответ на запрос Рерберга из Тифлиса, «можно ли отправлять добровольцев на собранные средства, на запрос Хвостова из Грозного, «можно ли рассчитывать на перевозку в Белград 200 кавказских героев», и на запрос Карасева из Черкаска, «продолжать ли набор людей и покупку лошадей», комиссия первым двум отказала, а последнему неожиданно дала согласие.

Остается нерешенным до конца вопрос о числе русских добровольцев, прибывших в Сербию. В разных источниках и в литературе эта цифра колеблется от 3500 до 5000 человек. В отчете Л.К. Мартьянова приводятся точные сведения о том, сколько добровольцев было отправлено Санкт-Петербургской комиссией по сбору пожертвований: «Всего-навсего на театр войны было отправлено 869 добровольцев, в числе которых находились: 1 генерал, 403 офицера, 289 нижних чинов и 176 разночинцев, денег истрачено 267 770 рублей 92 копейки, так что средним числом каждый доброволец обошелся около 309 рублей»⁶³.

Статья «Как мы помогаем славянам» явилась заключительной публикацией «Пчелы» о сербо-турецкой войне, о русском добровольческом движении. В ней подробно и взвешенно проанализированы все ошибки, связанные с организацией движения добровольцев, приведшие к определенной дискредитации имени русского добровольца как в Сербии, так и в некоторых кругах русской общественности.

Большая часть вины за плохую организацию подбора и отправки добровольцев возлагалась на Комиссию по сбору пожертвований при Петербургском славянском комитете, где «дилетантизм и барская беспечность господствуют над делом». При этом автор статьи, помещенной в «Пчеле», добавил: «Комиссия поступала не только опрометчиво, она поступала незаконно. Она взяла на себя роль, не принадлежащую ей, она превысила власть, может быть с очень хорошими целями, но, когда решаешься на такое дело – нужно уметь выполнять его»⁶⁴.

Итак, журнал «Пчела» и его издатель М.О. Микешин старались дать объективную оценку добровольческому движению в Сер-

63 «Пчела», 1877, № 29, с. 448.

64 Там же.

бии, не скрывая и темных сторон его организации. Однако общий тон как публикаций журнала, так и иллюстративного материала отдавал должное высокому подвигу Русских людей, отправившихся на помощь братскому сербскому народу.

Окончание публикаций материалов о сербо-турецкой войне и русских добровольцах не означало, что журнал оставил тему национально-освободительной борьбы южных славян. Журнал начал публиковать материалы о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

ДОЦ. ДР ЛЈУДМИЛА КУЗМИЧЕВА

Историјски факултет
Московски државни универзитет М. В. Ломоносов
kuzmicheva3@yandex.ru

ЧАСОПИС ПЧЕЛА М.О. МИКЕШИНА О РУССКОМ ДОБРОВОЉАЧКОМ ПОКРЕТУ У СРБИЈИ 1876. ГОДИНЕ

Кључне речи: часопис *Пчела*, М. О. Микешин, српско-турски рат 1876. године, руски добровољци у Србији, М. Г. Черњајев, Н. В. Максимов, руска периодична штампа, словенски комитети

Резиме: Талентовани руски уметник, вајар и публициста Михаил Осипович Микешин је од 1875. до 1878. године издавао и уређивао илустровани часопис *Пчела*, осмишљен да развија уметнички укус читалаца и да их упозна са основним правцима савремене уметности. Међутим, значајно место у часопису заузимају материјали посвећени догађајима на Балкану. Разлог за то су били како опште расположење руског друштва тако и лични однос према словенској борби М. О. Микешина. Уметник је био у Србији, добро је знао њену историју и волео је српски народ. Учешће руских добровољаца у српско-турском рату свеобухватно је пропраћено у часопису. Објављиване су не само репортаже са бојних поља него и илиустрације које су омогућавале читаоцу да створи реалну слику догађаја. После завршетка рата и повратка добровољаца у отаџбину, часопис је започео објављивање њихових дневника и мемоара, а такође и аналитичких чланака чији је задатак био да оцене добровољачки покрет. За разлику од многих руских публикација, *Пчела* се заузела за репутацију добровољаца, констатујући притом грешке и недостатке у организацији самог покрета. Часопис је допринио да се код руских читалаца формира објективна слика о српско-турском рату 1876. и његовим учесницима.